

Больше хороших опер

Дурная традиция писать и говорить об отсутствии советской оперы или о ее глубоком кризисе привела к печальным результатам. Не тая греха, можно сказать, что значительная часть публики, искренне любящей и неплохо разбирающейся в музыке, чуть ли не «принципиально» не посещает оперные спектакли современных композиторов. Пренебрежительное отношение к советской опере, неверие в нее даже пришло характер своеобразной «моды».

Между тем нельзя не замечать несомненных удач в становлении советской оперы. Такие произведения последних лет, как «Семьи Тарасов» и «Нинита Вершинин», Д. Кабалевского, «Война и мир» С. Прокофьева, «Заря» К. Молчанова, «Богдан Хмельницкий» К. Даневича, «Декабристы» Ю. Шапорина, «Укроение строптивой» В. Шебалина, написаны с большим профессиональным мастерством.

А более ранние оперные произведения советских авторов? Разве заслужено забытие оперы «Дуэтчица» и «Семен Котко» С. Прокофьева, «Тихий Дон» И. Дзержинского, «Кола Брюнон» Д. Кабалевского, «Хозяйка гостиницы» А. Спайдаковки? Ведь они имели настоящий успех у зрителей.

Конечно, создание современной оперы на уровне лучших достижений русской музыкальной классики — задача, еще не решенная нашими композиторами. Но пренебрежение к достижению, разнодущие к развитию советской оперы лишь мешают успешно решать эту большую и сложную задачу. Композиторам нужны всесторонняя поддержка, внимание, спрашивавшая критика.

Я бы хотела обратить внимание еще на одно характерное обстоятельство: на концертных площадках очень редко можно услышать исполнение арии, дуэтов.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 38 (3694)

Четверг, 28 марта 1957 г.

Цена 40 коп.

НАВСТРЕЧУ СЪЕЗДУ
КОМПОЗИТОРОВ

О НАШЕЙ МУЗЫКЕ

Музыка — всем!

арию из советских опер. Не вошли они широко в репертуар художественной самодеятельности. И здесь порой нельзя винить тех, кто предпочитает исполнять и слушать арии Сусанина, князя Игоря, Дубровского, Ленского, Демона, скажем, арии Пеклеванова, Федора Таланова, Батманова, Годуна. Ни певцов, ни слушателей не могут увлечь вильные риторические монологи этих героев. Отсутствие яркой, выразительной мелодии, бедность музыкального языка арий — самое уязвимое место в новом оперном репертуаре.

Мне кажется, что жизнь подсказывает необходимость организации театра советской оперы. Он мог бы привлечь к ее созданию лучшие силы музыки и литературы, стал бы своеобразной лабораторией, помогающей решать сложные проблемы современного музыкального театра. Съезд композиторов мог бы явиться инициатором этого нужного и важного дела.

Л. ДУБИНСКАЯ,
художница по текстилю.

Съезду композиторов предстоит разрешить, помимо множества творческих проблем, также целый ряд организационных вопросов, связанных с пропагандой советской музыки. Мы лениво и плохо пропагандируем серьезные произведения советских композиторов, мало заботимся о повышении музыкальной культуры масс.

Музыкальную пошлость нельзя уничтожить административными мерами, ей нужно противопоставить истинные художественные ценности.

А до последнего времени Союз советских композиторов, и Музфонд, и исполнительские организации очень слабо выполняли свою роль пропагандиста музыкальной культуры.

Начинать нужно снизу, с самых первичных культурных очагов — с клубов и домов культуры наших городов, рабочих поселков и колхозов. Но можно назвать целый ряд пунктов даже в Московской области, где годами не бывает серьезных профессиональных концертов.

Районный зритель редко может услышать в клубах произведения русских и западных классиков, познакомиться с достижениями современных композиторов.

Руководители клубов порой жалуются, что музыкальные и литературные вечера финансово нерентабельны, зритель, мол, «не идет». Но ведь всяко новое

культурное начинание следует развивать постепенно, не рассчитывая сразу на полный успех и самоокупаемость.

Вспомним первые шаги наших столячных филармоний: они также начинали очень скромно, а теперь в Ленинграде и Москве достать билеты на хороший симфонический концерт очень не просто. Нужно систематически, не считаясь с трудностями, популяризировать музыкальные программы, абонементы на концерты классической музыки, и это не за медлит принести свою плоды.

Интенсивная и плодотворная работа по пропаганде музыки могла бы проводиться на наших курортах, в санаториях и домах отдыха. Увы, руководители здравниц, так же как и директора профсоюзных клубов, упрощенно представляют себе свои задачи и обычно ограничиваются проведением киносеансов, вечеров танцев, показом самодеятельности.

Советские люди хотят слушать произведения русских мировых музыкальных классиков, знакомиться с лучшими сочинениями современных композиторов. И их требования можно будет выполнить, когда за это дело единого фронта возвьется Союз советских композиторов, наши концертные организации, клубы, санатории, радио, кино и телевидение.

Мих. МИХАИЛОВ,
персональный пенсионер

когда я думаю о том, что мешает наше работе, я прихожу к выводу, что очень многие из нас, музыканты, виноваты перед своим искусством. Причина работает только наверняка, обязательно пройти пробу, риск, поиска — как все это преодолеть и расширить репертуар, и подлинно творческой активности! Разве не должен каждый из нас, исполнителей, постоянно помнить о тех сокровищах родного искусства, которые мы не имеем права оставлять в туне, разве можем мы спокойно мириться с тем, что многие прекраснейшие страницы нашей музыки — русской и особенно советской — остаются неизвестными слушателю? Что может быть хуже холодного равнодушия профессионала, спокойно обходящего произведения, без которых так обединяется, так многое теряет наша концертная жизнь?

Постоянно, не зная усталости и отступлений, должны мыаться за то, чтобы звучало все лучшее, живое, высокое. Мы должны стремиться к восстановлению истинной репутации того или иного произведения, которое было когда-то скомпрометировано неудачным исполнением или оценкой послешной и неверной. Мы должны возвращать к жизни то, что было незаслуженно обявлено умершим.

Эта трудная задача! В самом деле, не легко бывает преодолеть предубежденность, исклучающую заглушить недобродушный голос слов и критиканов, которые не хотят отказываться от привычных мнений, к тому же еще часто воспринимаемых из чужих рук. Как часто у нас обвиняют композитора там, где на самом деле виноват исполнитель! Мне порой хочется, чтобы Второй съезд советских композиторов оказал должное внимание вопросам всей нашей музыкальной жизни, взятой в целом, в единстве ее творческих и исполнительских проблем. Не будем же ленивы и недободушны, станем решительнее в поисках, опытах, наверстаем упущенное и сделаем неследимое. И тогда высокое удовлетворение принесет нам наш творческий дух, и драгоценной для художника благодарность ответят нам наши слушатели.

Святослав РИХТЕР,
народный артист РСФСР

стремности и перед автором, и перед слушателем.

Да, музыка у нас сегодня звучит много. Но всегда ли она исполняется так, как должно? Нет, далеко не всегда. К примеру, как горестно мне видеть, когда даже в наших ведущих театрах производится наша оперная классика бесподобно курируется или исполняется в неудачных редакциях, когда постановщики руководствуются диктатурой своего вкуса, а не изнутри. «Руслан и Людмила», «Князь Игорь», «Садко», «Борис Годунов», шедевры нашей оперной классики, даже они идут сегодня с непростительными музыкальными потерями. А какой ущерб понесла опера Прокофьева «Война и мир» после того, как отказались от ее исполнения, рассчитанного на два вечера, и прокофьевская партитура была урезана, ската, попросту искалечена. Мне думается, что и в этом сказалась власть рутины. Добрый пример должностного отношения к оперному искусству показывают наши друзья из стран народной демократии: я вспоминаю, как порадовал нас Пражский национальный театр во время своих московских гастролей беспупречным в музыкальном отношении исполнением «Даллобара». Сметаны. Хотелось дождаться такого времени, когда наша сцена обогатится «Каменным гостем» Даргомыжского, «Чародейкой» Чайковского, когда на нее придут оперы Гликма и Вагнера, когда дождется своего подлинного рождения прокофьевский «Семен Котко» и его же «Сказ о каменном цветке», когда богатой и полной жизни заложит на ней новаторские сочленения.

Всегда наше гражданской войны родились первые советские песни «Мы — красивые кавалеристы» Покраса, «Прорыва» Васильева-Буглая — в них звучали радость и мужество бойцов нашего мира, их пронизывали жаркие, стремительные ритмы схваток и сражений революции.

И с тех пор советская песня шла рядом с нашими людьми, давая музыкальное выражение их мыслям и мечтам. Мне кажется, что самые лучшие, самые памятные песни рождаются в ответственные, переломные моменты жизни народа, когда наибольшее резко, концентрировано выражают его чувства, страсти, желания. И советские композиторы сумели дать музыкальный язык этим порывам и стремлениям в песнях такого замечательного мастера, как Дунаевский, и в «Священной войне» Александрова, и в произведениях Захарова, Новикова, Блантера, Соловьева-Седого.

Но песня, даже самая лучшая, — это, условно говоря, символ времени, одновременно выражение его настроений и порывов.

Широкая картина эпохи, страстей, конфликтов, драматических коллизий требует интенсивных, монументальных, обобщающих жанров.

И нельзя не испытывать гордости оттого, что у нас есть замечательная музыка, есть — я не боюсь этого сказать — своя музыкальная классика. Ведь другим словом не определишь лучшее из того, что сделано Мясковским, Прокофьевым, Шостаковичем. Я вспоминаю самое значительное и волнующее музыкальное событие моей жизни — исполнение 7-й симфонии Шостаковича. Ее слушали бойцы в осажденном Ленинграде, рабочие — в тыловом Куйбышеве, она мгновенно облетела весь мир. Пожалуй, именно в те морозные дни 1942 года, особенно ясной стала для меня могучая, возывающая сила истинной большой музыки. Но это одна из вершин, а советская музыка создавалась многими любителями разных возрастов и национальностей. Славу ее завоевывали Василенко и Глиэр, Хачатурян и Шапорин, Шебалин и Лятошинский, Кабалевский и Хренников, Балакирев и Караваев, Янис Иванов и Е. Капи, и многие, многие другие.

Но дело, думается, не только в количестве значительных произведений, сорданных за сорок лет.

Декада искусства и литературы в Тбилиси

Юго-Осетии

Работники искусства Южной Осетии гос-

туди в Тбилиси не впервые. Успехи осетинской культуры демонстрировались здесь еще

в 1940 году. Однако тогда на декаде были представлены только Стalinский драматический театр имени Коста Хетагурова и ансамбль песни и танца Юго-Осетии. Сейчас в декаде наряду с этими художественными коллективами участвуют юго-осетинские отделения союзов писателей и художников Грузии, художественная самодеятельность, композиторы.

Издательство Тбилиси и Стalinи выпустили к декаде много новых книг осетинских писателей. На русском языке вышли альманах «Литературная Юго-Осетия» и книга «Писатели Советской Осетии». На грузинском языке изданы антологии прозы, поэзии и драматургии, где наряду с классиками осетинской литературы — Коста Хетагуровым, Ц. Гадиевым, А. Коноевым и др. — представлены произведения и современных осетинских писателей: Д. Диаисов, Ф. Гаглоева, Р. Асаева, Г. Даузгава, Р. Чочиева, Н. Гаглоева, В. Санакоева, Н. Джоссева, Е. Бекоева, И. Кавказага, В. Голосев, К. Магиевна и др.

Традиция исполнения — хорошая вещь. Но она хорошо лишь тогда, когда музыкант умеет учиться от механизмов повторения закрепленных приемов. Мне кажется, что мы всякий раз должны читать музыку, как впервые, должны ощущать всю меру нашей ответ-

ИСКАНИЯ И ПОБЕДЫ

Георгий СВИРИДОВ

мо и Джульетта» Прокофьева — классическое достижение русского, советского балета? Но кто помнит, как долго этот балет не мог попасть на сцену, сколько рутин, консервативной предубежденности привнесли к нему ломать, чтобы дать нашему искусству одно из лучших его созданий.

А разве допустимо, что до сих пор не идет в Москве величественная, вдохновенная опера Прокофьева «Война и мир»? Это монументальное произведение требует большой сцены, монументальных постановочных решений. Но Большой театр «уступил» «Войну и мир» Тому Станиславского и Немировича-Данченко. А почему не идет «Дуэтчица» того же Прокофьева, любимая опера покойного композитора, одно из самых малорынных, искающихся смехом, озорством произведений советской музыки?

Московский написал 27 симфоний. Для широкого советского слушателя он — автор только трех. Другие не исполняются. Многие ли знают такого замечательного композитора, как Шербачев, его тонкую симфоническую сюиту «Гроза», его «Русскую» 5-ю симфонию?

Поэтому так не хохляски распоряжаются мы своими богатствами? Причин этому немало. Здесь и костью некоторых композиторов, и недоверие к новым, смелым творческим решениям, и — что, может быть, основное — теоретические заблуждения, мешавшие серьезно и непредубежденно разобраться во всем на-кощоном нами.

Социалистический реализм — единственный плодотворный метод нашего творчества. Это несомненно, это доказано всей практикой советского искусства. Лучшие произведения наших композиторов, впитавшие в себя все богатство национальных традиций, отмечены революционным пафосом, глубоко реалистическим раскрытием жизни народа. И естественно, что в социалистическом реализме могут быть сосуществовать самые разные музыкальные жанры, ведь самой различной структуры — от простой песни до сложнейшей симфонической партитуры, — в том и сила социалистического реализма, что он допускает различные манеры, многообразие творческих решений. Есть лишь одно обязательное условие — правда жизни, отраженная с позиций коммунистической идеологии, умение показать в произведениях подлинные закономерности эпохи в их революционном развитии.

Наша музыка выдержала большую борьбу с чужими модернистами, формалистами, симметрическими тенденциями. Их влияние ощущалось в некоторых произведениях наших известных композиторов. Партитура справедливо указала на эти опасные тенденции, помогла их преодолеть, избежать.

И здесь начинается самый главный вопрос, который встает перед каждым композитором, который волеет меня сегодня еще больше, чем в те дни, когда я писал свою первую вещь. Что же такое музыка? В чем ее цель и предназначение? Мы знаем, что для иных она волеется в пассивных критериях музыки. Поэтому, я думаю, глубоко заблуждаются те, кто видит высший и несомненный признак народности только в цитатном использовании народных мелодий. Следуя таким нехитрым рецептам, конечно, было бы очень просто создавать народные произведения, очевидно, дело обстоит сложнее. Очевидно, здесь не обойдется механическим повторением известных слов Глинки: «Создать музыку народу, а мы, художники, только ее аранжировать». Вот, например, в «Хованщине» Бориса Годунова мы находим переплетенные композитором народные мелодии, а в «Никовой ладье» их нет. Очевидно, народность поверяется иным. Тем, насколько точно, насколько полно сумел композитор передать дух народной жизни, ее характерные черты. Более того, насколько глубока сумел он выразить пеевые мелодии эпохи, постигнув сокровища и чаяния людей своего времени, сказать о главном, волнующем, на что отозвался их сердца и души.

И здесь начинается самый главный вопрос, который встает перед каждым композитором, который волеет меня сегодня еще больше, чем в те дни, когда я писал свою первую вещь. Что же такое музыка?

Но мне хочется, чтобы в пассивной критике решили усилить духовную запретность, чтобы в дальнейшем не ограничивать наследие несколькими именами. Нельзя думать, что музыка окончилась на Чайковском и Листе. Нельзя вычеркнуть, как это делают иные перетравовщики, из истории музыки таких музыкантов, как Г. Малер, А. Бруннер, Б. Барток, М. Равель, К. Дебюсси. Конечно, это неизбежно забыть, репутации, которые требуются постановить.

Когда я думаю о музыке, мне вспоминается, что она исполнялась в сороках и церквях. У нас другие цели, другие задачи, иными чертами определяется наше искусство. Но мне хочется, чтобы в пассивной критике решили усилить духовную запретность, чтобы в дальнейшем не ограничивать наследие несколькими именами. Нельзя думать, что музыка окончилась на Чайковском и Листе. Нельзя вычеркнуть, как это делают иные перетравовщики, из истории музыки таких музыкантов, как Г. Малер, А. Бруннер, Б. Барток, М. Равель, К. Дебюсси. Конечно, это неизбежно забыть, репутации, которые требуются постановить.

В ПОИСКАХ ЛУЧШЕГО

СОВЕТСКАЯ школа внесла неоценимый вклад в культурную революцию, изменившую облик нашей страны. За четыре десятилетия она подготовила многочисленный отряд интеллигентов, воспитала патриотов, активных строителей нашего общества.

Законно гордится школа своими питомцами, стяжавшими славу в разных и трудовых дебелах. Понятне отеческой заботы партии и всего народа пользуется в нашей стране подрастающее поколение. Огромное внимание общественности к вопросам обучения и воспитания молодежи, и не случайно выступления на эту тему получают столь горячий массовый отклик.

Так, вопрос о перегрузке учащихся, поднятый видными деятелями медицинской науки, обсуждается на многочисленных педагогических совещаниях, нашел отражение и в выступлениях читателей на страницах газет.

Призывают внимание общественности и статья ленинградских педагогов и писателей «Какая нам нужна школа!» Авторы писем, полученных редакцией, подчеркивают, что введение всеобщего десятилетнего обучения — одно из величайших завоеваний Советской власти. Именно в связи с тем, что школа встала на новый путь, круто изменившись в ее задачах. Если до нынешнего времени она готовила молодежь преимущественно к поступлению в высшие учебные заведения, то теперь, когда среднюю школу будут оканчивать все молодые люди, она должна выпускать значительную часть своих воспитанников для работы непосредственно на производстве. Сочетание полноценного общего образования с политехническим обучением и подлинно трудовым воспитанием — в этом устраивается главная задача школы.

Известно, что на Украине уже получило распространение производственное обучение, совмещаемое с общеобразовательным. Министр просвещения Латвийской ССР В. Самсон на широком писательском совещании отметил важность дискуссии о путях развития школы, начатой на страницах печати. Активно обсуждают проблемы трудового воспитания школьников в Таджикской и Эстонской республиках.

В письмах читателей содержатся разные предложения, но главная мысль в них одна: средняя школа должна готовить молодежь к труду. Основываясь на местном опыте, учителя доказывают необходимость постоянной и тесной связи школы с окружающей ее жизнью. Политехническая, по их мнению, должна строиться на изучении местного производства и на посильном участии в нем учащихся.

Во многих письмах рассказывается о поисках в решении этой задачи. Не всегда результаты их удивительны — кое-где производственное обучение вводится в учреждения общебазовой подготовки, а там, где этого не допускают, чрезмерно увеличивается нагрузка учащихся. Но опыт школ, активно использующих методы трудового воспитания, — неоценимый материал для педагогической науки. Учительство и работники промышленности и сельского хозяйства [которые также горячо заинтересованы в том, чтобы молодежь со средним образованием включалась в рабочие коллектизы] ждут от органов просвещения и от педагогической науки скорейшего определения твердых планов политехнического.

Статья вице-президента Академии наук Н. Гончарова «Заглядывая вперед», напечатанная в «Литературной газете» 31 января 1957 года в ходе обсуждения школьной проблемы, вызвала возражения некоторых читателей тем, что в ней преобладающее внимание уделяется перспективному планированию школьного образования и мало говорится о сегодняшних неотложных задачах школы. Разумеется, определение дальнего пути советской школы важно в плане общего развития нашего государства. Но это не означает, что с разрешением сегодняшних проблем наука может медлить.

В значительном количестве писем высказывается пожелание создать широкое совещание съезд учителей, где могут быть всесторонне обсуждены эти проблемы. Часть писем мы выносим сегодня на обсуждение читателей.

ВОСПИТАВАТЬ В ТРУДЕ И ДЛЯ ТРУДА

Наша общеобразовательная школа хорошо справилась со своей задачей, когда готовила кадры для высших учебных заведений и техникумов. Сейчас же, когда в вузах может поступить только часть бывших школьников, а остальные должны пойти на производство, школа должна иначе строить работу. Книзь требует от общеобразовательной школы подготовки не специалистов средней технической квалификации, а рядовых рабочих для промышленности и сельского хозяйства, грамотных полеводов, животноводов, садоводов и т. д. Она должна дать будущим строителям нашего общества хорошее трудовое воспитание, подготовить людей большой души и возвышенных идеалов.

Для юношей, окончившего десять классов, немного надо, чтобы получить квалификацию механикатора сельского хозяйства или слесаря, токаря, — всего месяцев шесть. Но надо научить его любить труд. Для этого необходимо начинать подготовку профессии не после семи классов, как предлагают авторы статьи «Какая нам нужна школа?», а начинать трудовое воспитание с начальных классов, воспитывать в труде и для труда, как этого требует главный принцип советской педагогики. Для этого нужно разработать

Из школы — в жизнь

Средняя общеобразовательная школа за десятилетия своего развития вовлекла в общеобразовательные знания и трудовые навыки, которые получают учащиеся к концу восьмого класса, в девятом мы уже вводим специкурсы, давшие некоторую производственную специализацию на базе окружающих предприятий. Специкурсы вводятся в факультативном порядке. Учащиеся выбирают профессию токаря или слесаря по ремонту и обслуживанию измерительных приборов или штабера.

Вокруг классники нашли в течение трех четвертей обучаются обработке металла в учебных мастерских, любви оборудованных шефами — Стalingрадским тракторным заводом.

В классах они изучают курс «Основы промышленного производства», в который входят: математика, детали машин, сопротивление материалов и технологии машиностроения. В четвертой четверти они идут уже в цехи СТЗ, участвуют в общей заводской производственной работе и, кроме того, изучают вопросы организации производства. А конце учебного года ребята выезжают на сельскохозяйственную практику в колхозы, что для них также в высшей степени полезно.

Учащиеся девятого класса изучают курс машиноведения, в котором главное место занимают двигатели внутреннего горения (автомобили). А в десятом классе школьники проходят практику по электротехнике.

Наш опыт

Прочитав статью «Какая нам нужна школа?» и отклики на нее, я захотела рассказать о попытках решить этот вопрос в системе трудовых reservoir. Мы готовили неплохие кадры для промышленности и до последнего времени не задумывались над тем, какими же общими кругозором выбиралась из училища.

Многие выпускники прекрасно тружались, их выдвигали на должности бригадиров, мастеров, некоторые начали заочно техниками, институтами, но большинство так и работает по специальности, приобретенной в училище. Важный вопрос о среднем образовании молодежи, обучающейся в учебных заведениях трудовых reservoir, еще не решен, хотя ХХ съезд КПСС предусматривает введение всеобщего среднего образования.

Сейчас Главное управление трудовых reservoir сделало первый шаг в этом направлении — создано несколько училищ, где подростки наряду с квалификацией получают среднее образование. Реорганизовано наше училище. Теперь за четыре года ребята, пришедшие к нам после окончания семи классов, будут получать не только специальность швеинка, но и среднее образование.

В учебных программах сохранена «сетка» часов по общеобразовательным предметам обычной средней школы. На первом году обучения — 4 часа практики в неделю, на втором —

Настоящая путевка

В своей статье, опубликованной 31 января в «Литературной газете», вице-президент Академии педагогических наук Гончаров в связи с организацией в школе «спецшколы» на открытии ее в 1957 году пишет, что реорганизация школьного дела должна привести к созданию прочной материально-технической базы для политехнического обучения в средней школе. Условия для этого имеются во многих учебных заведениях трудовых reservoir.

После реорганизации училища к нам пришел отряд преподавателей по общеобразовательным предметам. Все они имеют высшее образование и опыт педагогической работы. Теперь у нас большой коллектив, который призван и способен решить эту задачу — дать молодежи среднее образование и специальность.

Н. КОСТИНА,
директор специального
ремесленного училища

РИГА

курсах, позволило мне потом поступить в вечерний вуз.

И мои товарищи и я всегда с благодарностью вспоминаем спецшколы, где подростки пришли в жизнь.

Сейчас политехнизация во многих школах пущена на самотек и зависит от склонностей, характера и энергии директора и местного районного руководства. Политехнизация в таком кустарном виде агроном или зоотехник может быть одновременно и преподавателем производственных дисциплин в местной школе.

Специализация в школах должна быть связана с потребностями местной промышленности и сельского хозяйства. Фактически «спецшколы» наряду с государственными и колхозными, но они с легкой руки определяются, как оседающая в селах культура, и квалифицированная молодежь быстро могла бы преобразовать облик этих сел.

Поддерживаю предложение о создании съезда по вопросам среднего образования, который должен быть парламентом, а дискуссионным.

Г. ХМЕЛЕВСКИЙ,
кандидат технических наук

МОСКВА

и спешно существование лишний раз доказывает, что возможности для специальной подготовки в пределах 8—10 классов имеются.

Я кончил в 1927 году такие специальные курсы по строительной специальности и пошел вместе со многими моими товарищами на строительство десятников. Некоторые из нас работали чекерщиками-конструкторами. Общее образование, полученное на специальных курсах, позволило мне потом поступить в вечерний вуз.

Ильин быстро повернулся ко мне, посмотрел на меня удивленным, смеющимся взглядом, а потом искренне, весело, от всей души захохотал. Он взял меня за обе руки и стал уверять, что не танцует: «С удовольствием бы, но не умею... Сейчас мы подъемщиками кавалеров...» — продолжал, смеясь. Владимир Ильин взял меня под руку и подвел к молодому человеку — директору.

Он сразу же начал говорить. Но достаточно было человеку вступить в кабинет к Владимиру Ильину, чтобы почувствовать себя собеседником самого генерального экспедиционного завода Б. Короткова, работавшего в приемной Ленина в первый год после Октябрьской революции.

Б. Коротков, — среди посетителей всегда преобладали рабочие, солдаты, крестьяне, матросы. Многие приходили обгоревшие и смущались своего видения, как им казалось, говорить. Но достаточно было

человеку вступить в кабинет к Владимиру Ильину, чтобы почувствовать себя равноправным собеседником самого генерального руководителя государства... Покоряла человека простота Ленина... Ленин избегал называть свой вывод. Он стремился к тому, чтобы товарищ пришел к нему с ответом, чтобы это было именно такое, а не иное, чтобы этот товарищ как бы сам — только в присутствии Ленина — принял решение».

«Чуракова, работница чайной фабрики Торшинова, вспоминает, как вместе с рабочими Выборгской стороны встречал В. И. Ленин новый, 1918 год. Это было в актовом зале бывшего Михайловского артиллерийского училища.

«Я была тогда еще очень молода, много не понимала в политических событиях, но мне хотелось сказать Владимиру Ильину, что главное мне понятно, что я бесконечно благодарна

за то, что я вспоминаю его в письме».

Круг воспоминаний петроградских рабочих весьма широк. Многие из них

рассказывают о встрече В. И. Ленина

обсуждаем статью «Какая нам нужна школа?»

Колхозам — знающих людей

Наш колхоз хлопководческий, но школа наша не готовит своих воспитанников для работы в хлопководческом колхозе. Все «образование» учащихся в этой области ограничивается тем, что они узнают о хлопке в учебниках для начальных классов. И горько думать, что выпускники выбирайт профессии токаря или слесаря по ремонту и обслуживанию измерительных приборов или штабера.

В конце учебного года девятнадцатиклассники проходят производственную практику в различных специальностях и в десятых классах продолжают совершенствовать в избранном деле.

Общее образование и производственная специализация расширяют кругозор учащихся, психологически готовят их к труду. Воспитанники технического училища, участвующие в общем производстве, изучают практику в производстве по изученным в десятых классах профессиям.

Для школы кое-как теперь ставят задачу выделить сельскохозяйственные машины. В нашем селе дали двум школам тракторы, но они таком соотношении, что я вынужден был отложить рядом с колхозом, прошедшем курс агротехники, возвращение избранного хлопка.

Нужно сказать, что наши возможные экспериментирования очень ограничены действующими учебными планами Министерства просвещения РСФСР. Мы убеждены в том, что планы эти нуждаются в изменениях.

A. РОЗКА,
директор Стalingрадской
средней школы № 1

◆

Хороший подарок

Фотоэтюд В. Шагова

В Доме детской книги

В Доме детской книги Детгиза стало традицией ежегодно проводить литературно-критические чтения, посвященные итогам года и отдельным проблемам развития детской литературы. На эти сессии собираются писатели, критики, педагоги, редакторы Детгиза, библиотекари.

Недавно состоялась VII сессия чтений. Прошло время опасений, что на сессии не будет нужной активности. Уже не стоит вопрос о том, где найти докладчиков. За прошедшие годы вынырнули немало людей, систематически и вдумчиво занимающихся изучением детской книги.

Растущий интерес к детской литературе сказывается даже в количестве докладов, предлагаемых для чтений. Но сессии проходят не всегда в сельском хозяйстве. Тогда школа, давая молодым людям среднее образование, в подавляющем большинстве случаев определяет начало их жизненного пути.

Состоянию современной книги о юношестве был посвящен доклад Н. Макаровой, которая в основном остановилась на двух повестях: «Пусть не сошлось с ответом» М. Бременера и «В трудном походе» Л. Кабо. Докладчик отметил, что авторы густы и грубы, глядя на краски, односторонне изображают современную школу.

Об этом же говорили С. Любимова и главный редактор Детгиза В. Компанеец.

«Книги М. Бременера и Л. Кабо, — сказал В. Компанеец, — это неуважительная попытка перекрутить все светлые стороны нашей школы. Детям нужны идеалы. А в этих повестях нет позитивной программы. Эти повести воспитывают нигилизм и крикетизм».

С большим интересом был воспринят доклад редактора журнала «Пионер». Н. Ильинский изложил, что в текущем году было запланировано девять. Дело теперь, следовательно, в актуальности тем, глубине их разработки, в качестве критического анализа. Но как раз целинаправленность и теоретический уровень некоторых докладов, прочитанных на сессии, вызывает сомнение.

Так, например, не совсем понятно, чем приводилось в Доме детской книги предварительно обсуждавшиеся доклады, когда включено в программу чтений доклад аспиранта МГИУ Д. Дубровиной «К вопросу о героях советской романтики в романе «Молодая гвардия» А. Фадеева», теоретически беспомощный, написанный на научно-образным языком. Интересная и важная попытка извлечь из опыта советской журналистики для детей многое такого, что отвечает задачам сегодняшнего дня.

Кандидат педагогических наук Д. Гольдштейн выступил с докладом «Работа А. И. Елизаровой-Ульяновой в детской литературе», в котором М. Бременер и Л. Кабо, Докладчик отметил, что авторы густы и грубы, глядя на краски, односторонне изображают современную школу.

Закономерен для текущего года и доклад сотрудника Дома детской книги Ю. Манна «От фактов — к образу», в котором молодой критик задался целью проследить работу писателей в области биографической книги.

Сессия показала, что главный интерес собравшихся был прикован к вопросам современности. Это факт положительный. Но он же находит на мысль о том, что Дому детской книги пора и доклады становятся более интересными.

Решение народного суда о Бедарове, выданного мягкими мерами наказания, было опровергнуто прокуратурой Брянской области. Тимирязеву предстоит вновь рассмотрение в суде. Судебный процесс, в котором подсудимый Бедаров оправдан, не вызывает сомнений.

На днях начальник отдела прокуратуры Брянской области А. Радонцов сообщил редакции, что при новом рассмотрении дела Бедаров приговорен народным судом к лишению свободы сроком на два года. Судебная коллегия Брянского областного суда кассационную жалобу Бедарова отклонила и приговор оставил в силе.

Сессия показала, что главный интерес собравших

СОЛДАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

О трилогии Ильи Кремлева
«Большевики»

Среди книг о Великом Октябре особое место принадлежит художественным произведениям, которые написаны участниками и очевидцами исторических событий. В них документальность, подлинность рассказа служит надежной основой для развертывания сюжета, обрисовки характеров, для передачи колорита эпохи. К таким книгам, призывающим своей правдивостью, принадлежит и недавно вышедшая в «Советском писателе» трилогия Ильи Кремлева «Большевики».

Это большой роман, в трех томах которого отражены бурные события 1917 года и последующих лет гражданской войны. На его страницах зачехлены дорогие нам образы Владимира Ильича Ленина, Свердлова, Дзержинского, Кирова. Историческое достоверно показаны представители враждебного лагеря. Многочисленные герои романа (их даже перечислить всех не так-то просто) — путников Астахова и бывший царский генерал Рейтова, ставший впоследствии энтузиастом советского военного строительства, его дочь Варвара и ветеран революционного движения Пахомов, рабочий Денисов и сын буржуазного адвоката Николай Гусев, испытанные большевики Лопатин и Панфилов, революционник студент Немешаев — все они проходят через трухлявые испытания, оказываясь в самом горниле борьбы. Попадая в сложнейшие ситуации, когда действие романа переносится из Петрограда в Москву, потом в Астрахань, потом в Дагестан и на Северный Кавказ, эти герои, с их различными судьбами и характерами, позволяют автору нарисовать обширную картину величественных лет.

Конечно, при такой плотной «заселенности» романа естественно возникает опасение, что многие из действующих лиц могут оказаться слабо обрисованными, играть в повествовании чисто служебную роль, стать живыми иллюстрациями... Одним словом, знакомый ход мыслей, когда у критика находит привычный вопрос: а не уклоняются ли бурные события — да еще столь грандиозного размаха, как в трилогии Кремлева, — образов живых людей, действующих в романе? Надо сразу сказать: в «Большевиках» (где, разумеется, не все герои одинаково полно обрисованы) писатель удаляется создать галерею запоминающихся, подчас довольно сложных характеров, в которых воплощены конкретно-исторические черты эпохи.

Следует заметить, что в советской литературе попытки создать образы положительных гербов гораздо больше, чем удачных сюрпризов на этом трудном по пути. В сюжетах и сюжетах романов и повестей обязательно присутствуют персонажи, претендующие на роль истинно положительных героев. Но время и требовательный читатель из этих тысяч и «тысяч» претендентов жестоко отбирают единицы, в лучшем случае — десятки. Очевидно, для писателя мало захотеть следовать своего героя положительным, — надо еще уметь добиться поставленной цели. В большом романе, насыщенном крупнейшими историческими событиями, роль положительного героя особенно велика. Постигнув тут писателя творческая неудача, не сумев он обрисовать такие характеристики, и исторические события неизбежно окажутся обнаженными и самодовлеющими.

Творческой удачей Ильи Кремлева следует считать образ Кирова. В самых различных ситуациях раскрывается перед читателем чудесный характер Сергея Мироновича. Жизнерадостный и целеустремленный, остроумный и смелый, прямой, душевно-честный, временами сурвый — таков Киров в жизни и борьбе, в отношениях с людьми.

Убедительно обрисован Георгий Атарбеков с его пламенным энтузиазмом революционера и юношеской чистотой помыслов и поступков. Духовный рост Николая Астахова — скромного и делового человека, непоколебимо служащего делу революции на любом посту, — вот основа изображения этого характера. Читатель хорошо понимает, за что ценят Астахова друзья, чем завоевывает он доверие Рейтова, почему постылья птичек рабочего юна Варя. В любви и в быту Астахов остается все тем же належным другом и товарищем, каким мы видим его в книге самого сурвого борьбы с врагами.

«Публичной химической лаборатории», доступной всем желающим в ней работать. Очнувшись в деревне, Энгельгард неутомимо продолжал свою блестящую прогрессивную деятельность, всецело отдавшись проведению практических мероприятий в области улучшения земледелия и организации рационального ведения сельского хозяйства.

Письма «Из деревни» Энгельгардта печатались в «Отечественных записках» вплоть до 1883 года. Первые, однажды из них вышли в 1882 году отдельной книгой и неоднократно после этого переиздавались.

Работа Энгельгардта заслуженно считается одним из значительных трудов сельского хозяйства деревенской России.

Высокую оценку дал книге Энгельгардту В. И. Ленин. В классической работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин много раз ссылается на эту книгу, неоднократно ее цитирует.

Владимир Ильин называл письма Энгельгардта публицистическими очерками, в которых много «метких характеристик и других образов». «...если бы какой-нибудь экономист или публикант взял за основание своих суждений о деревне те данные и наблюдения, которые приведены Энгельгардтом», — писал Ленин, — то народнические выводы из такого материала были бы невозможны».

Ленинская оценка книги Энгельгардта ясно показывает, насколько эта книга важна и нужна многим советским читателям как яркое и правдивое публицистическое свидетельство о прошлом русской деревне.

После Великой Октябрьской революции книга Энгельгардта издавалась последний раз двадцать лет тому назад. Она уже давным-давно стала библиографической редкостью. Даже в Москве письма «Из деревни» Энгельгардта имеются только в нескольких крупнейших книгохранилищах. Поэтому следует всячески приветствовать инициативу Государственного издательства сельскохозяйственной литературы, предпринявшую в нынешнем году переиздание этой книги.

Следует отметить Илье Кремлеву. Свои живые и непосредственные впечатления участника событий он старается проверять точными историческими данными.

Стоит при этом сказать, что если бы в те годы, когда создавалась трехтомный роман «Большевики» (в конце его стоит дата написания: 1932—1956), наша историческая наука дала развернутые, обоснованные фактами труды по истории гражданской войны, работа писателя была бы значительно облегчена. Но, к сожалению, в большинстве книг по истории гражданской войны в период распространения культ личности И. В. Сталина можно было найти, наряду с интересными фактами, и такие «копицентрии», в которых искалась реальная историческая обстановка первых лет революции. Писателю приходилось во многом преодолевать эти ложные установки и положения. Думается, что когда наши ученики, наконец, напишут давно ожидаемые труды по истории гражданской войны, свободные от недостатков, порожденных культом личности, тогда и литераторам станет гораздо легче писать свои знания на службу Родине, оборонять от врагов горячо любимую им Россию. Так автолюбителе Рейтова. Еще более сложна и чревата всяческими неожиданностями история подпоручика Николая Гусева. Его метания и поиски своего места поэтизации, оказываясь в самом горниле борьбы. Попадая в сложнейшие ситуации, когда действие романа переносится из Петрограда в Москву, потом в Астрахань, потом в Дагестан и на Северный Кавказ, эти герои, с их различными судьбами и характерами, позволяют автору нарисовать обширную картину величественных лет.

И еще об одной стороне творчества писателя.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика. (Кстати, к называемым книгам можно добавить и такие превосходные произведения, как «Чапаев», «Как закалилась сталь», «Небыкновенное лето»). Здесь «сухое» изложение ряда исторических фактов, географических координат, хроникальное перечисление событий помогают читателю обогнаться новыми сведениями, получить их в форме, привычной для историков, публицистов, теоретиков. Вдумываясь в структуру этих книг, видишь, что использование такого принципа неизменно углубляет повествование, а сама хроника воспринимается в живом единстве с обрашением тканью произведения.

Много подобного рода необходимых сведений и у Ильи Кремлева, — «хроникальный принцип» вторгается в его трилогию неоднократно. Правда, иногда кажется, что он мог бы вторгнуться не столь часто. Появляются страницы, сплошь заполненные хроникой, ослабевает напряженность художественного повествования.

Есть в трилогии и некоторые другие недостатки. Наряду с ярко выписанными основными героями встречаются и белогородские, проходные персонажи, нужные в том или другом эпизоде, если брать этот эпизод изолированно, но не запоминающиеся в концепции.

Имея в виду известные изъяны нашей исторической науки, конечно, трудно требовать от писателя, чтобы он один восполнил в своем художественном повествовании все то, что не ощущается недостатком у многих историков. И все же неравномерность в освещении определенных исторических событий в трилогии определенно дает себя знать. Естественно, читателю хочется, чтобы эпизоды, где выведены Ленин, Дзержинский, Свердлов, были написаны побольше, а парче, чтобы этих памятных встреч было в произведении побольше...

В целом трехтомный роман Ильи Кремлева представляет немалый интерес. Умение автора на широкой плошади романа внимательно проследить судьбы героев, в общем верное сочетание хроникального принципа с художественным повествованием, единство исторического факта человеческих переживаний, связанных с работой чисто научной. Не будучи специалистом, исследователем и теоретиком, писатель тем не менее вынужден производить самостоятельные исторические изыскания, опираясь на определенные теоретические принципы, понимать порой неизученные архивные пластины. Такую работу — иссомнено, весьма полезную — пришлось проделать Ильи Кремлеву.

Имея в виду известные изъяны нашей исторической науки, конечно, трудно требовать от писателя, чтобы он один восполнил в своем художественном повествовании все то, что не ощущается недостатком у многих историков. И все же неравномерность в освещении определенных исторических событий в трилогии определенно дает себя знать. Естественно, читателю хочется, чтобы эпизоды, где выведены Ленин, Дзержинский, Свердлов, были написаны побольше, а парче, чтобы этих памятных встреч было в произведении побольше...

В целом трехтомный роман Ильи Кремлева представляет немалый интерес. Умение автора на широкой плошади романа внимательно проследить судьбы героев, в общем верное сочетание хроникального принципа с художественным повествованием, единство исторического факта человеческих переживаний, связанных с работой чисто научной. Не будучи специалистом, исследователем и теоретиком, писатель тем не менее вынужден производить самостоятельные исторические изыскания, опираясь на определенные теоретические принципы, понимать порой неизученные архивные пластины. Такую работу — иссомнено, весьма полезную — пришлось проделать Ильи Кремлеву.

Имея в виду известные изъяны нашей исторической науки, конечно, трудно требовать от писателя, чтобы он один восполнил в своем художественном повествовании все то, что не ощущается недостатком у многих историков. И все же неравномерность в освещении определенных исторических событий в трилогии определенно дает себя знать. Естественно, читателю хочется, чтобы эпизоды, где выведены Ленин, Дзержинский, Свердлов, были написаны побольше, а парче, чтобы этих памятных встреч было в произведении побольше...

Вместе со смелыми разведчиками недр читатель переносится через стремительные горные реки, штурмует лесные завалы в непроходимых дебрях. Каждая находка в тайге, порой скромная — открытие для читателя, несущее радость. В романтической влюблённости автора в свое дело и заключена сила очерков. Г. Курочкин стремится к строгой документальности, к предельной достоверности: ему не надо выдумывать, домысливать, приносинять. И, показательно, это заслуга не автора, а героя его книги — смелых, талантливых и мужественных людей. Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы прочитать документальный очерк «Пик Вер», поддающий лаконизмом и глубокой сердечностью.

Перед нами — не геологические очерки, не сухие записки рудознатца-путешественника, не холодное обозрение виденного, а живые картины, написанные с большой теплотой и уважением к людям, с любовью к малоизвестным местам. Автору удается сочетать и душевное состояние своего героя, и живой колорит красок природы.

Разумеется, книга не свободна от недостатков. Как писатель, Г. Курочкин надо еще учиться и учиться. Но даже в самых несовершенных очерках, подчас совсем нездешных, негрубо разгадать сегодня те ростки, которые окрепнут завтра. Хочется пожелать нашему товарищу по экспедиции дальнейшие творческие успехи на новом поприще.

Л. СЕМЕНОВ,
кандидат экономических наук,

Рисунки Т. Толстой к повести Г. Коновалова «Вчера». Книга готовится к печати издательством «Молодая гвардия».

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПАФОС

На Первом съезде советских писателей

М. Горький обратился к делегатам с речью: «Уважаемые товарищи, мне кажется, что здесь чрезмерно часто произносится имя Горького, с добавлением измерительных эпитетов: великий, высокий, длинный и т. д. (См. с. 1). Не думаете ли вы, что, слизшись подчеркнутой и возвышенной одно и ту же фразу, мы тем самым затемняем рост и значение других? Поверьте мне: я не кокетничу, не рисуюсь. Меня заставляют говорить на эту тему причины серьезные. Горький фигура, все мы здесь, невзирая на разные различия возрастов, — друзья одной и той же очень молодой матери — всесоюзной советской литературы».

И еще об одной стороне творчества писателя.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе в таких значительных, как «Тихий Дон» и «Хождение по мукам», художественная ткань систематически прославляется историко-хроникальным материалом, который, так сказать, не имеет образного всплытия, художественного облика.

Известно, что в ряде произведений советской литературы, в том числе

К 50-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ РУМЫНСКИХ КРЕСТЬЯН

Деместене БОТЕЗ,
румынский поэт

1907 год — знаменательная дата в истории борьбы румынских трудящихся за свою правду. Это год крестьянского восстания, потрясшего основы румынского общества. Советскому читателю нетрудно понять причины этого восстания: общественный строй здесь был таким же, как и в России перед революцией 1905 года, пробудившей глубокий отклик среди крестьянства нашей страны.

В общих чертах картина была такова: на престоле — немецкий король, владелец огромных поместий, чуждый стране и народу. Непосредственно за ним, на верхушке пирамиды, — несколько сотен семей помещиков, в чьих руках сосредоточено былое двух третей всей земельной площади страны, разбитой на латифундии в несколько тысяч гектаров каждая.

Это был строй с феодальными пережитками, отчасти карикатурный и выражавшийся. Спинная шайка занималась полубоярским дележом богатств страны, львиная доля которых доставлялась иностранному капиталу. Эта алчая клика прикрывалась национальным трехлетним флагом и цинично отожествляла себя со страной.

Школа, церковь, армия, администрация, законодательство, суд были в распоряжении этой клики для защиты ее привилегий. Вся эта свора благоденствовала и процветала. Еще бы, ведь несколько тысяч жило трудом миллионов крестьян, причем в стране, где источником национального дохода было преимущественно сельское хозяйство, поскольку остальные отрасли экономики были переданы иностранному капиталу — английскому, американскому, французскому, немецкому, голландскому, истинно авильонскому смешению!

Довольство было так велико, что осенью 1906 года по случаю сорокалетия «мудрого» правления Кароля I было устроено празднество с целью прославления процветания — с фанфарами, попойкой и аллегорическими картины, в которых преобладали молочные реки и кисельные берега. К чести писательской братии, ни один поэт не славословил на этом позорном, разнудленном торжестве.

Итак, это верхушка пирамиды.

Внизу — большинство нации, «опора страны», громадная масса крестьянства, беспощадно эксплуатируемого, забитого, обманутого, голода, разутого и обрывающего, добывавшего для себя лишь кусок мамалыги. Бичом для крестьянства были доли суровые зимы. Тогда он шел в боярское поместье и за мерку кукурузной муки, достаточной лишь для того, чтобы не проглатывать ноги, захлебываясь на все лето. Арендаторы и управляющие, спеша нажиться и самим стать помещиками, на свой страх и риск отчаялись и без того неизвестными эксплуатации.

Так было до поры до времени, пока голод не поднял крестьянина. Продуктовые магазины отчаялись, восстание было неорганизованным, стихийным.

Символическое совпадение: восстание вспыхнуло в селе Голдом, в имени князя — крепкого землевладельца. Приобретая все более кровопролитный характер, оно распространялось дальше — от сел Модово до упорных, бесстрашных жителей Мунтении и Олтении.

Когда-то под Плевной и Гривицей солдат-крепостников, сражавшихся с племенем к племенем с отважным русским воином, отстаивало национальное знамя своей беспри мерной доблести. А теперь под его сенью армия приступила к репрессиям ради «спасения страны».

Ценой подлого убийства одиннадцати тысяч крестьян латифундии остались неизвестными. Восстание было подавлено, по мещики облегченно вздохнули.

Витковки, пугалы и пушки караульных оказались смертоноснее кос вил, которых, вооружились крестьяне. Они сами кололи себе братские могилы, их расстреливали толпами, в упор.

Подстрекателем был голод. Потому и казнили самых голодных: они, действительно, были самыми отчаянными и жесточайшими. Но ни ружейные заряды, ни пушки, склонившие с лица земли целые деревни со стариками, женщиными и детьми, не убили голод. Тысячи крестьян погибли, голод остался в живых, продолжал сибирствовать и после того, как победные горны прорубили отбой.

Восстание 1907 года — один из самых кровопролитных боев румынского народа за хлеб и свободу. Воспоминание о нем живо в наших сердцах. Оно нашло широкий отзвук в нашей литературе даже в то время, несмотря на драконовские меры, предпринятые напуганными правителями. Самые лучшие и самые честные представители интеллигентии нашей страны неустанно обличали несправедливость социального строя с позиций трудового крестьянства, лишенного земли и обреченного на положение сельского пролетариата. Действуя разобщенно, они вели борьбу, выдвигали определенные требования к правительству.

Многие из них сами были детьми крестьян, выбились с трудом, ценой лиш-

ний, благодаря своим способностям и упорству, и не забыли своего долга по отношению к крестьянству.

Наш великий народный поэт Георге Кошюк в 1894 году написал незабываемое стихотворение «Хотим земли». Для восстания 1907 года оно было подобно звуку горы:

Без крова, голоцен,
раздет,
Стую оплевая пред
тобой,
И плеть ты поднял
надо мной,
Исадье ада, мироед,
Тебя к нам ветры
несли.
Мы для тебя ничтожней тли,
Мы смыслидне — так бей,
Мы скот — так же, не жале,
Мы от побоев только злей,
Хотим земли!

Картина известного румынского художника О. Банчила «Крестьянское восстание 1907 года».

Эмансипу в стихотворении «Шарь и пролетарий», Михаил Садовицкий, Спиридон Попеску, Пауль Бужор и другие писатели еще до 1907 года в своих произведениях обличали несправедливый социальный строй.

Весной 1906 года группа представителей интеллигентии основала журнал «Вая-ромынська». Все они испытывали на себе влияние русских революционных демократов Белинского, Чернышевского, Добролюбова, среди них были и люди с марксистским образованием. Журнал завоевал авторитет. В программной статье первого номера говорилось о долге интеллигентии по отношению к крестьянству.

Таким образом, лучшие писатели того времени еще до 1907 года заняли прогрессивную позицию, к этому им побуждали положение крестьянства, сознание гражданского долга, этому они учились у русских классиков.

И позиция писателей, и само восстание 1907 года, как и литературные произведения, созданные непосредственно после восстания и достоверно отразившие его, — это отдает умонастроением, революционными идеями и социальными движениями, существовавшими в России.

В разгар восстания и сразу же за него, когда пролита кровь еще не утихла, жажды мести господствующего класса помещиков, начались лихорадочные разыски подстрекателей.

Подозрение пало на учителей, на прогрессивную интеллигентию, в том числе на писателей. Представители власти терроризировали Михаила Садовицкого. Невинные люди бросали в тюрьмы и расстреливали без суда, а зачинщики все не обнаруживались. Тем временем истинный зачинщик — голод прятался в десятках тысяч крестьянских лачуг.

Но, несмотря на травлю интеллигентии, писатели не побоялись сказать свое слово. Даже если бы было создано только стихотворение Александру Влахуза «1907», и тогда часть писателей осталась бы незапятнанной.

Ион Лука Караджале написал беспощадный обвинительный акт. Девизом репрессий, зафиксированным в подлинных документах, было: «Не знать жалости». Денис Караджале был там же: «Не знать жалости».

Когда появилась его статья, ни один из виновников репрессий, конечно, не почувствовал угрызений совести, но статья проприети умы, вооружила их, на них воспитались целые поколения интеллигентии.

Кровавый 1907 год запечатлели в своих произведениях писатели Спиридон Попеску в книге «Дед Георгий на выставке», Михаил Садовицкий, Николай Порге, Давид Черна, И. И. Миронеску, Ливиу Ребяйн, Чезар Петреску и многие другие.

Уже после 1944 года в крестьянскому восстанию обратились Захария Станку («Бойся»), В. Э. Галан («Зарай рабов»), Петру Думитру («Семейная хроника»), Тудор Аргези («1907»).

Только теперь, в связи с пятидесятилетием восстания, составляется полная библиография всех произведений, связанных с 1907 годом.

Еще живы в памяти воспоминания о том времени, документы о нем богаты и красноречивы, и поэтому вся литература о 1907 году имеет реальную основу, вымысел и воображение играли здесь второстепенную роль. Эта мысль не оставляет читателя, когда он обращается к литературе о восстании, она придает рассказам, романам, стихам подлинный, потрясающий драматизм. Ведь в наше время живут юноши — родные внуки героев этих книг. Романы о восстании 1907 года — это в то же время и семейная хроника нынешней крестьянской молодежи.

Однако румынские писатели не должны довольствоваться тем, что уже сделано. Их надо — продолжать с таким же жаром и такой же любовью к правде лучезарную хронику современной жизни румынского села, хронику, которая бы дополнила гигантскую фреску судеб нашего крестьянства.

БУХАРЕСТ, март.

На этом посту он пишет свое второе

ЭТО случилось 15 марта в Париже. На рассвете два жандарма постучали в дверь крохотной каморки в доме № 33 по улице Раймон-Лоссеран. Обитатель каморки, видимо, не подозревая дурного, открыл дверь. Жандармы ворвались в помещение, и тут состоялся короткий, но знаменательный разговор:

— Вы Клод Марти?

— Да, я Клод Марти, сын Луи Марти, расстрелянного нацистами в Люсианьи 27 июня 1944 года.

— Следите за нами...

Арестованного увелили... Чтобы понять происшедшее, необходимо вернуться назад, к событиям 1944 года, к днем оконченной и германской борьбы французов против гитлеров-

ских захватчиков. В те дни оккупантам удалось схватить небольшую группу французских партизан, действовавших в районе Люсианьи. 27 июня 1944 года партизаны расстреляли. Среди них был племянный борец за свободу Франции, рабочий-металлист Луи Марти.

Луи Марти оставил жену и маленького сына — Клода. Тяжкое, непропорциональное горе вошло в семью Марти... Прошло более десяти лет. Маленький Клод вырос, стал рабочим, как и отец. В 1957 году он должен был начать свою службу во французской армии.

Но еще до того, как Клод Марти получил повестку о явке на призывающий пункт, французы ошеломили чудовищную весть: гитлеровский генерал

Шпейдель, по приказу которого были зверски убиты тысячи французских граждан, будет командовать войсками НАТО в зоне Центральной Европы, а следовательно, также французскими войсками!

Волна протеста против циничного надругательства над патриотическими чувствами французских патриотов охватила всю Францию. В первые ряды этого мощного народного движения встали дети расстрелянных — ныне взрослые сыновья казненных гитлеровскими патриотов. Сыновья расстрелянных, ожидающие в этом году призыва в армию, обратились с письмом к президенту Фран-

ции, заявляют в письме о своем решительном отказе «служить в армии, которой наряду с другими будет командовать убийца наших отцов».

«Господин президент французской республики, — мы, сыновья французских патриотов, убитых нацистами, выражаем вам, как главе вооруженных сил, свое глубокое возмущение недавним назначением гитлеровского генерала Шпейделя на пост командующего сухопутными вооруженными силами НАТО в зоне Центральной Европы.

Мы рассматриваем тот факт, что французское правительство

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Домашний адрес американского поэта Эзра Паунда несколько необычен: Вашингтон, Федеральная психиатрическая больница святой Елизаветы.

Маститый лирик занимает здесь отдельную палату в течение уже 12 лет — с 1945 года. Сейчас ему — 71 год, но, по свидетельству директора больницы доктора Оверхолзера и газеты «Нью-Йорк геральд трибун», старый Эзра еще полон жизни и энергии: летом он играет в теннис на больничном дворе, а зимой и осенью строит свои «гимны», которые нет-нет да и появляются в разных журналах и газетах. Надо отметить, что, играя в теннис, преследуя шизофреническим методом, Эзра Паунд не пытается проглотить мяч и ракетку дергит не в зубах, а в правой руке, как все нормальные люди. Сочиняя стихи, он соблюдает ритмические правила, и строки его гимнов имеют определенный смысл. Он не чуждается людей и охотно принимает у себя в психиатрической клинике и поклонников. При этом резвый старичок не говорит, что он чайник или Наполеон Бонапарт, — нет, он делает то, что делал всю свою жизнь: проповедует своим посетителям

зверинный расизм, бешеный антисемитизм и смердящие фашизмом социально-экономические идеи.

Во время второй мировой войны американец Паунд был штатным пропагандистом у Муссолини. Убежденный фашист, он выступал по итальянскому радио и призывал американских солдат к дезертирству и братанию с чернорубашечниками. Тогда Эзра Паунд было не до рифм. Впрочем, надо отдать ему должное: он хоть и совершил государственную измену в прозе, но делал это с жаром поэтическим!

Когда окончилась война, Паунд был арестован на американских военных властях. Всеми месяцев он просидел в стальной клетке на территории военного лагеря. Оять ему пришлось оставить в стихосложении: стальные прутья клетки даже в отдаленной степени не напоминали «струнную изгородь лирик». К тому же впереди перед мыслью Португалии — невменяем. Судить его сейчас нельзя — сначала надо лечить. Эзра Паунд сделал суду руки и отправился в больницу святой Елизаветы, где и пребывает в полной благодати до сих пор. Он не торопится со своим выздоровлением. Зачем? Расчеты

политического деятеля, а фашиста и мракобеса.

Друзья и поклонники Паунда хлопотали горячо и очень энергично. Суд создал комиссию из четырех психиатров, и те признали перебежчика душевнобольным. У него нашли манию «Феличия, и еще одну манию, и еще одну. Да, конечно, он много нехорошего наболтал перед итальянским микрофоном (недаром же обвинительное заключение по делу государственного изменника Эзра Паунда состояло из 19 пунктов!), но ведь язык болтает, а голова не знает потому, что... и тут следует поток вынужденных латинских наименований. В общем подсудимый — невменяем. Судить его сейчас нельзя — сначала надо лечить. Эзра Паунд сделал суду руки и отправился в полной благодати до сих пор. Он не торопится со своим выздоровлением. Зачем? Расчеты

Так бы, возможно, и закончился некрасивая история жизни блудного американского сына, если бы вдруг не вспыхнула новая сенсация, связанная с именем Паунда. У него оказался активный последователь, ученик и апостол — некий Джек Каспер, молодой человек приятной наружности, окончивший Колумбийский университет.

Оказывается, Каспер в течение многих лет был в больнице у старого Эзра, слушал его проповеди, набиралась, как говорится, ума у обитателя вашингтонского бедлама и, наконец, решил действовать. Каспер создал свою организацию — совет белых граждан Вашингтона и стал публично требовать восстановления в Вашингтоне расовой сегрегации, отмененной, как известно, личным приказом президента Эйзенхауэра.

Это именно он, Джон Каспер, подстрекал хулиганов к негритянским погромам в Клинтона (штат Теннесси).

Он выступает с речами на митингах, пишет статьи политических деятелей, трезвонит во все колокола, проповедует человеческое равенство и чистоту.

Он даже написал и начат на машинке книжку в несколько десятков страниц с изложением своего политического и философского «кредо». Это «кредо» пытается Коулбийского университета излагать языками изводами из недорогого публичного дома.

Он требует «отправить на выселение из Верховного суда», призывает к уничтожению «красных», проклинает все «цветочные ублюдки». Он называет «вонючими» покойных и здравствующих словечками — еще самые пристойные цветы в букете тонкого красноречия Джона Каспера. Он не скрывает своих духовных связей с Эзра Паундом, напротив, он открыто говорит о них, да и прокламации Каспера написаны в стиле и тоне гимнов обитателя больницы святой Елизаветы. Государственный изменик